

ПАИН Эмиль Абрамович — кандидат исторических наук, эксперт Государственной комиссии по проблеме крымских татар, консультант по национальным вопросам Центра независимой экспертизы советско-американского фонда. «Культурная инициатива». В нашем журнале публикуется впервые

Принятая в ноябре 1989 г. Верховным Советом СССР декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» открывает дорогу для справедливого решения одной из самых острых межнациональных проблем в стране [1]. Но открыть дорогу все же легче, чем ее пройти.

Сравнивая перспективы восстановления прав трех депортированных народов, по проблемам которых были созданы специальные комиссии Верховного Совета СССР,— крымских татар, советских немцев и турок-месхетинцев — можно утверждать, что реальные шансы уже в ближай-шие годы возвратиться на родину пока имеют только первые. К началу 1990 г. в Крым переселилось свыше 70 тыс. татар, в то время как в Месхетип (южная Грузия) до сих пор нет ни одной семьи турок-месхетинцев. Крайне неблагоприятные условия для возвращения советских немцев сложились в Поволжье.

Опыт Крыма может быть использован при определении путей решения проблемы депортированных народов. Оно в значительной мере обусловило наш интерес к теме репатриации крымских татар.

В основе статьи лежат материалы социологического исследования, осуществленного под руководством автора Центром независимой экспертизы советско-американского фонда «Культурная инициатива».

Опрос Крымских татар (N = 3113) проводился в 1989 г. в основных районах их проживания (Средняя Азия и Казахстан, Краснодарский край, Херсонская область, Крым). По показателям, характеризующим каждого члена семьи опрашиваемого (пол, возраст, образование, род занятий), обрабатывалась информация о более чем 13 тыс. респондентов.

Нелегкий путь на родину

Репатриация крымских татар началась еще в 1967 г., сразу же после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», снимавшего с них необоснованные, огульные обвинения в пособничестве фашистским оккупантам. Однако несмотря на сей законодательный акт сохранялись бесчисленные административные преграды, преодолеть которые смогли немногие. Только 18% татар, поселившихся на полуострове, приехали сюда до 1979 г. А с этого времени и по 1985 г. тонкий ручеек возвращающихся практически «пересох», сквозь бюрократические кордоны пробилась всего несколько десятков семей— 1,5% от числа ныне живущих там. Зато с середины 1987 г. и особенно после принятия упомянутой декларации количество переселенцев заметно выросло — за полтора года в 2,5 раза

по сравнению с предшествующим двадцатилетием, достигнув 50 тыс. Крым оказался не готов к резкому переходу от политики «не пущать» к одновременному приему столь больших масс. Местные власти ориентировались на размещение сельского населения, но приехали по преимуществу жители городов. В результате произошло то, чего страна в послевоенный период не знала — значительная их часть стала селянами. Среди вернувшихся горожане составляли 62,1%. Хотели поселиться в городах—53,5%, смогли же это сделать—26,6%. Кардинальные перемены образа жизни предопределили целый ряд проблем, с которыми столкнулись репатрианты. У бывших горожан серьезные трудности с устройством на работу: лишь 29% смогли устроиться по специальности и менее 20% — занять должность, соответствующую прежней. Особенно трудно пришлось интеллигенции: учителям, врачам, работникам культуры, науки. Так, свыше трети врачей вообще не имеют работы. У очень многих прибывших (73,6%) ухудшились материальные условия: доля семей с малым доходом (до 50 руб. на человека) возросла в 4,5 раза. То же можно сказать и об изменении жилищных условий. Например, доля семей, размер жилплощади которых ниже нормативного минимума, после переезда увеличилась в 2,2 раза. Кроме того, 4,3% опрошенных вообще не имеют таковой — живут у родственников.

Помимо неустроенности быта большая часть респондентов (56%) не имела возможности сразу перевезти в Крым всю семью. Некоторые до полутора лет жили в отрыве от родных. Но самые значительные сложности были связаны с получением участка под строительство дома. Здесь, правда, следует отметить, что разные социальные группы репатриантов по-разному оценивают проблемы своего обустройства в Крыму. Подавляющее большинство интеллигенции (87,1%) главной трудностью считает невозможность реализовать профессиональные знания, из-за чего происходят и потери в заработке; меньше — всего 15,5% — тех, кто основные заботы видит в получении жилья и прописки. В то же время среди рабочих неудовлетворены трудоустройством —0,4%, уменьшением заработка — 33%, сложностями с жильем и пропиской —46,5%. Ни один из колхозников не упомянул о проблеме поиска работы, менее 1% пожаловались на сокращение дохода, однако в этой группе больше, чем в других (49,8%) испытывающих беспокойство о жилье и прописке.

Проведенное исследование подтверждает искренность большинства переселенцев, заявивших, что они приехали в Крым не для улучшения своего материального положения или бытовых условий, а исключительно из желания возвратиться в родные места.

Движимые идеи

Известно, что миграционные намерения определяются тремя группами факторов: 1) «удерживающие» в данном месте; 2) «выталкивающие» из него; 3) «притягивающие» к новому месту. Две последних формируют переселенческие побуждения, первая — гасит их, сочетание же всех трех устанавливает меру мобильности.

Основной «выталкивающий» фактор для всех опрошенных — осознание вынужденности проживания вне Крыма вследствие насильственной депортации. В последнее время он усилился «ферганским синдромом» — острым восприятием погромов, учиненных туркам-месхетинцам и опасениями насчет себя. Отсюда дополнительный толчок к передвижению крымских татар, особенно из Узбекистана, где доля ориентированных на выезд в Крым в 1,5 раза выше, чем в среднем по исследуемой совокупности.

Факторы, сдерживающие мобильность,—об этом свидетельствует наше исследование,—по сути определяются демографическими характеристиками, прежде всего типом семьи: ее размерами, степенью национальной разнородности, величиной доходов. Наименее мобильны многодетные семьи, смешанные по национальному составу, с доходом менее 75 руб. на человека, а также люди, живущие в государственной квартире. Последняя весьма затрудняет переезд. Ее нельзя продать, следовательно, средств для покупки или строительства дома найти негде. К тому же сегодня не каждый решается оставить благоустроенную, почти бесплатную квартиру без надежды получить новую. Между тем, в Крыму лишь 5.4% репатриантов получили государственное жилье — в целом это прибывшие еще в 60-х годах.

Крымские татары в основной своей массе, как уже отмечалось, не ищут более благоприятных социально-экономических условий. Их привлекает, в первую очередь, иное, выраженное в следующих высказываниях: «на родине весь наш народ соберется вместе», «будет восстановлена историческая справедливость», «появится возможность возрождения национальной культуры» и особенно часто— «хочу вернуться на родину».

Нас заинтересовало, в какой мере этот, так сказать, «идеализм» проявлялся ими в отношении нынешних обстоятельств жизни вне Крыма. Мы попытались сравнить степень неудовлетворенности материальными и бытовыми аспектами, с одной стороны, и социально-культурными — с другой. Затем с учетом трех факторов — «чем недоволен сегодня?», «чего ждет в будущем?», «уверен ли в осуществимости своих желаний после переезда в Крым?» — выделили три группы опрашиваемых, дав им условные названия.

Первая группа {«идеалисты-оптимисты»} насчитывает 69%. Недовольна, главным образом, теперешними социально-культурными условиями и рассчитывает, возвратившись в Крым, удовлетворить свои запросы. В ней выявилась особая подгруппа (18,5%) с выраженным доминированием этнокультурных ориентаций: сохранение патриархальных традиций, общение в собственной национальной среде, отправление мусульманских обрядов, восстановление государственной самостоятельности. Почти все представители группы очень религиозны, больше половины из них являются активистами Крымско-татарского национального движения.

Вторая группа {«идеалисты-пессимисты»} — 15,4%. Также неудовлетворена в основном социально-культурной сферой, но не ожидает улучшения и в Крыму.

Третья группа {«материалисты-прагматики»} — 15,6%. Здесь отчетливо наблюдается неудовлетворенность материальной стороной бытия; к социально-культурным условиям она безразлична или удовлетворена ими.

Теоретически в этой группе, как и среди «идеалистов», могли быть свои оптимисты и пессимисты. Однако оказалось, что «материалисты» не строят иллюзий относительно реализации в Крыму своих запросов. И в этом нет ничего удивительного. Большинство опрошенных за пределами Крыма (78%) обнаружили хорошую осведомленность о том, что их ожидает по возвращении на родину. В качестве основных источников информации были названы уже переселившиеся родственники и знакомые.

Что касается «идеалистов», то они готовы поступиться комфортом ради идеалов. Поэтому уровень потенциальной мобильности у этих категорий разный.

Кто переедет в Крым!

По сочетанию групп признаков, характеризующих намерение относительно переселения на Крымский полуостров¹, нами было выделено пять типов потенциальных репатриантов (табл. 1).

Использование метода детерминационного анализа позволило выявить наиболее существенные признаки, дающие социальный портрет каждой группы².

Анализ показал, что наиболее значимым, в сущности определяющим мобильность фактором является соотношение ценностных ориентаций — социально-культурных и материально-бытовых. Так, во всех трех группах названных мобильными (с приставкой или без нее) у подавляющего большинства респондентов главенствуют социально-культурные и этнокультурные ценности. Если прочие факторы не препятствуют социально-культурной (этнокультурной) устремленности, то мобильность выступает в «чистом» виде, когда же действие этих факторов направлено в противоположную сторону, мобильность усложняется умеренностью или условностью. А вот прагматизм, доминирование материально-бытовых ценностей в рассматриваемой ситуации, как правило, коррелирует с немобильностью. Но обратимся к социальному портрету каждой из выделенных групп возможных мигрантов в отдельности.

Помимо того, что почти у 3/4 вошедших в группу мобильных (табл. 2) преобладают социально-культурные признаки, тут сконцентрированы почти все респонденты с признаками этнокультурного доминирования. Ориентация на возвращение в Крым, на возрождение национальной культуры сочетается с крайне слабым «полем тяготения» на прежнем месте жительства и высокой адаптационной способностью.

В большинстве своем это малосемейные люди, разместившиеся в поселениях, подобных крымским, рабочие универсальных профессий, которым легче трудоустроиться. Кроме того, они живут в собственных домах (продав которые получают возможность приобрести жилье на новом месте), привыкли вести подсобное хозяйство и первое время после переезда вполне могут прокормиться. Одним словом, речь идет о тех, кто способен прижиться в любой социально-бытовой обстановке. К моменту опроса 3,5% уволились и, вероятно, сейчас уже находятся в Крыму.

В группе умеренно-мобильных (табл. 3) довольно сильна ориентация на национальные ценности, и это стимулирует их подвижность. Вместе с тем им есть что терять на старом месте: сравнительно высокий доход, определенный общественный статус, привычка к относительной комфортности в крупных городах. Сдерживает мобильность и специфика профессий: 36 % — работники непроеизводственной сферы (врачи, учителя, деятели культуры и «управленцы»), которым в Крыму трудно устроиться.

Сложное сочетание факторов «притягивающих», «удерживающих» и «выталкивающих» определяет своеобразную линию поведения этой группы. Ее можно сформулировать следующим образом: «ехать немедленно, но по приезду добиваться своего — работы по специальности и жилья в городе». Такая позиция превращает группу в потенциально весьма конфликтогенную,

¹ Опрашиваемым задавался вопрос «При каких условиях Вы переселились бы в Крым?». Примерные ответы: «без предварительных условий», «только при снятии ограничений на прописку», «если будет к тому же оказана материальная помощь (выдадут подъемные)», «когда в дополнение к денежной помощи выделят участок под строительство и помогут со стройматериалами», «лишь по предоставлении квартиры, дома».

² Детерминационный анализ — система обработки с помощью ЭВМ качественной социально-экономической информации, например, данных анкетного опроса. Он способствует определению значимости признаков, детерминирующих исследуемые социальные свойства, в нашем случае — мобильность [2].

Типы потенциальных репатриантов

Название типа	Характеристика типа	Удельный вес в составе опрошенных
Мобильные	Готовы переехать немедленно без каких-либо предварительных условий и изменить при необходимости профессию и выбранное место жительства	15,7
Умеренно-мобильные	Готовы переехать немедленно, но не собираются менять профессию или отказываться от предварительно намеченного места жительства	35,4
Условно-мобильные	Ставят свое возвращение в зависимость от различных условий, прежде всего предоставления материальной помощи	12,2
Немобильные	Откладывают свой переезд на неопределенное время или вовсе не намерены переезжать	9,0
Коллеблющиеся	Еще не приняли решения о переезде или не захотели (не смогли) сообщить о нем	27,7

Таблица 2

Социальный портрет «мобильных», %

Признаки	Полнота детерминации*
«Идеалисты-оптимисты»	74,9
Представители малых семей	74,0
Жители небольших городов, поселков городского типа и сел	69,6
Владельцы индивидуальных домов	60,8
Рабочие и колхозники	54,7

* Полнота детерминации — показатель, характеризующий удельный вес респондентов, обладающих одновременно двумя признаками: мобильностью и другим, обуславливающим мобильность. В результате отбора (на ЭВМ) в таблицу попали признаки, полнота которых превышала заданный порог (51%).

Таблица 3

Социальный портрет умеренно-мобильных. %

Признаки	Полнота детерминации
«Идеалисты-оптимисты»	71,5
Владельцы индивидуальных домов и кооперативных квартир	65,2
Жители столиц, областных центров, крупных городов	57,8
Работники умственного труда и рабочие непродуцированной сферы	54,8
Имеют доход свыше 100 руб. на человека	51,3

По своим социокультурным и этнокультурным ориентациям группа условно-мобильных (табл. 4) близка к группе мобильных без оговорок. Сходны они и по месту проживания — преимущественно в малых городах. Однако отчетливые предпосылки мобильности перекрываются сдерживающими факторами: многочисленность, многопоколенность семей, да и наибольший удельный вес одиночек с детьми или с престарелыми родителями (16,7%). Невысокий доход, а то и попросту бедность делают именно их в первую очередь нуждающимися в государственной помощи для возвращения на родину.

Думается, решающий фактор немобильности группы, чьи признаки отражены в табл. 5,— слабая направленность на этнокультурные ценно-

Социальный портрет условно-мобильных, %

Признаки	Полнота детерминации
«Идеалисты-оптимисты»	75,3
Жители небольших городов, поселков городского типа и сел	70,6
Представители сложных, многопоколенных семей	70,0
Имеют доход до 75 руб. на человека	66,9

Таблица 5

Социальный портрет немобильных, %

Признаки	Полнота детерминации
Горожане	58,5
«Идеалисты-пессимисты» и «прагматики»	52,0
Живут в государственных квартирах	51,2
Представители национально-смешанных семей	37,5

Таблица 6

Социальный портрет колеблющихся, %

Признаки	Полнота детерминации
Горожане	78,7
Рабочие и служащие	73,5
Живут в государственных квартирах	57,4
Имеют доход свыше 75 руб. на человека	51,6

сти. Этот фактор в свою очередь коррелирует еще с одной особенностью: самой высокой по сравнению с другими группами долей национально-смешанных семей, в том числе таких, где муж не принадлежит к крымско-татарской национальности. Причем, велика доля занимающих государственные квартиры, что тоже очень сковывает мобильность.

Отличительные черты социального облика группы колеблющихся (табл. 6) столь же неопределенны, «размыты», сколь и ее миграционные планы. Этнокультурные ориентации разнообразны: сравнительно большой удельный вес составляют респонденты, которых можно охарактеризовать как «этнокультурно-озабоченных пессимистов» (19,4%) и «прагматиков» (11,6%), выразители прочих тенденций не поддаются классификации по заданным признакам. Из факторов, ограничивающих мобильность, назовем лишь высокую долю лиц, живущих в городских государственных квартирах. Нет оснований полагать, что эти люди вовсе не намерены возвращаться в Крым. Скорее всего они выжидают, присматриваются, как изменяется ситуация там и, очевидно, при условии получения государственной квартиры или ссуды на приобретение кооперативной переддут.

Запреты не помогут

Темпы миграционного прироста за первую половину 1990 г. резко возросли. Нерегулируемый поток переселенцев (к 1996 г. их численность, наверное, достигнет 330—350 тыс.) может обострить социально-экономические проблемы Крыма, усложнить межнациональные отношения. Об этом свидетельствуют и результаты опроса, проведенного крымскими со-

циологами [3]. Местные власти обеспокоены. Наряду с тем, что заметно растет население области (при сохранении прежних поставок продуктов питания, промышленных товаров, стройматериалов) изменяется и его социальный состав. Если вначале приезжали в основном рабочие и колхозники, то в последние месяцы увеличивается доля интеллигенции. У нее выше недовольство условиями быта на новом месте, больше требований предъявляется к государственным органам. Последние же пытаются преодолеть возникающие трудности привычными административными методами — ужесточают паспортный режим, а, главное, ограничивают выделение переселенцам земельных участков и индивидуальное строительство.

Крымские татары за 45 лет своих мытарств привыкли не доверять властям. И сейчас, когда они видят, что те самые участки, которые вчера выдавали беспрепятственно, нужно отвоевывать, у них создается впечатление «захлопывающейся двери», оттого люди спешат «проскочить в щель». Нарастание темпов переселения объясняется и необычайным (в два—три раза) повышением стоимости строительства жилья в Крыму и одновременно падением цен на дома в Средней Азии. Опоздавший переехать сегодня, рискует завтра затратить все свои сбережения на приобретение крыши над головой. И еще один фактор, подстегивающий переселенческий процесс — у большинства крымских татар есть свои «полпреды» (родственники и знакомые) в этом обетованном крае, благодаря чему многие живут там без прописки. Около 11% не имели ее к моменту опроса, еще 80% в свое время жизни на «птичьих правах» от шести месяцев до трех лет, ожидая возможности прописаться. Непрописанные не пользуются защитой власти, но, в свою очередь, они и не управляемы ею. Надо ли говорить, что подобного рода ограничения существенно накаляют социальную атмосферу.

Мы не стремились найти некий универсальный рецепт решения проблем депортированных народов, да и вряд ли такой рецепт вообще существует. Однако анализ всего того, что связано с возвращением крымских татар, позволяет наметить некие общие принципы подхода к этим проблемам. Первый из таких принципов можно сформулировать на основе известного ленинского высказывания: «не смей командовать». Командные методы управления доказали свою несостоятельность в большинстве сфер жизни, но особенно неприемлемы они в такой деликатной сфере как национальная политика. Окрики, запреты, ограничительные установления не только морально недопустимы, но, как правило, абсолютно неэффективны.

Взять хотя бы регулирование притока переселенцев. Судя по опросам некоторые из них готовы были бы подождать год—другой с переездом при условии гарантий предоставления квартиры или участка под строительство, создания новых рабочих мест. Именно политика гарантий может стать эффективным инструментом репатриации населения.

Однако следует заметить, что кредит доверия к власти сегодня вообще невелик. У репрессированных же народов тем паче. Не случайно крымские татары считают надежными лишь гарантии, исходящие от деятелей их национального движения.

Отсюда вытекает еще один общий для национальной политики принцип: решение важнейших проблем того или иного народа должно быть доверено наиболее авторитетным представителям этнической общности.

Конкретизация этого принципа требует наделения организаций Крымско-татарского национального движения реальными экономическими и политическими полномочиями в регулировании процесса возвращения и обустройства переселенцев.

Разумеется, одним из фундаментальных принципов национальной политики был и остается принцип добровольности. Можно направить поток

репатриантов в сторону менее заселенных и пока что не столь привлекательных степных районов Крыма, используя экономические рычаги управления. В этой зоне важно ввести налоговые льготы, снизить стоимость строительства жилья, повысить его комфортность.

И, наконец, в национальной политике должен действовать принцип взаимозаинтересованности. Если бы возвращение крымских татар было увязано с предоставлением Крыму административно-политической и экономической самостоятельности, с сокращением вывоза отсюда основных строительных материалов, с улучшением снабжения, тогда бы все почувствовали, что прибытие переселенцев не ухудшает, а наоборот, в чем-то улучшает условия жизни в области. И еще: среди крымских татар много строителей, создание при их участии новых строительных организаций, кооперативов пойдет на пользу как переселенцам, так и остальным жителям полуострова.

Процессу переселения, конечно же, нужна идеологическая поддержка — необходимо разрушить «образ врага», обеспечить возможность диалога между различными группами населения Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. О гармонизации межнациональных отношений в Крыму. Материалы Пленума Крымского обкома Компартии Украины//Изв. ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 80-84.
2. Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
3. Результаты пресс-опроса по проблемам гармонизации межнациональных отношений в Крыму; Препр. Симферополь: Крымский обком Компартии Украины, 1989.